

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТОВ: из истории главных песен Отечества

Арсений Замостьянов

Воспитывая граждан великой страны, ощущающей преемственность со славной многовековой историей, мы располагаем богатым материалом для изучения. К сожалению, историю отечественной государственной символики все мы знаем далеко не блестяще, а вернее сказать, — знаем скверно. Подчас наши представления об истории гимнов России ограничиваются досужими спорами о том, должны ли спортсмены картинно петь перед соревнованиями. Дискуссии по поводу парада честолюбий перед телекамерами — это прежде всего шоу, своего рода «показуха». Мы должны уважать государственную символику, а не идти в фарватере моды. Предлагаемый материал может помочь в проведении классного часа, необходимого для глубокого осмысления понятий «патриотизм» и «гражданственность».

«Мы не знаем страны, в которой живём», — этот диагноз, поставленный когда-то Ю.В. Андроповым правящему классу, действителен и для широких народных масс. Не помним мы и генеалогии государственных символов Родины. Государственный гимн, гражданская патриотическая молитва — не самая старая традиция. Но одна из самых важных, культуuroобразующих. Думаю, что обзор истории наших гимнов, каждый из которых навсегда останется в судьбе народа, в судьбе государства, необходим. Первым национальным гимном считается «Вильгельм Нассауский», порождённый Нидерландской революцией 1568 года. В 1743 году появился британский гимн «Боже, храни короля!», ставший эталоном для многих государств.

Когда садовник сажает дерево,
Плод наперёд известен садоводу.

И.В. Гете

Российская империя начиналась с «Преображенского марша» Петра Великого. Он и ныне звучит на парадах. Но ритуал исполнения одной-единственной мелодии при появлении императора тогда ещё не сложился. Весь XVIII век страна победно воевала, и к ратной доблести наши поэты того времени относились с особым благоговением. Своего рода гимном имперской экспансии стал екатерининский «Гром победы...» — творение Г. Державина и композитора О. Козловского. Уже прижизненно Гаврила Романович Державин был признан первым поэтом из века великой императрицы. В простых стихах замечательного гимна екатерининской России Державин прекрасно выразил официальную правду тех времён, психологическую подоплёку деятельности великих

творцов того времени, среди которых особенное место занимает А. Суворов.

Зри, премудрая царица!
Зри, великая жена!
Что Твой взгляд, Твоя десница —
Наш закон, душа одна.

Положенные на музыку О. Козловским, эти стихи не просто подчеркнули устремления своего века; в «Громе победы...» Державин тонко уловил саму природу российского абсолютизма, без этого гимна невозможно представить себе климат екатерининской эпохи. Такие стихи не только не существуют вне контекста эпохи, что вполне естественно для гимна: они сами образуют исторический контекст, необходимый для понимания эпохи великой Екатерины — времени, когда России и её воинству всё было по плечу, когда фасад нашего государства выглядел наиболее привлекательно и верность Отечеству понималась как почётное служение государыне. Позже на эту музыку сочинялись новые слова, актуальные для наполеоновских войн и польской кампании 1831 года, но классическими навсегда остались стихи великого Державина.

Духовным гимном империи с XVIII века вплоть до февраля 1917 г. стал «Коль славен...» Д. Бортнянского на стихи М. Хераскова. Этот гимн сопровождал крестные ходы, духовные процессии, он звучал у крещенских купелей. Играли «Коль славен...» и при погребении офицеров.

Музыка британского гимна «God save the king» («Боже, храни короля!») стала основой многих монархических гимнов. В России лучший текст на английскую музыку написал В. Жуковский: «Молитва русских» (1815). Через год семнадцатилетний поэт Александр Пушкин дополнит стихотворение Жуковского двумя строфами. «Молитвы русских» обоих поэтов будут изданы под одной обложкой, но в исполнительский канон войдёт только первоначальный текст Жуковского. Императору Александру пришлось по душе русско-английское песнопение. С 1816 года «Боже, царя храни!» исполняется как официальный гимн империи; по высочайшему повелению полковые оркестры исполняли его при встречах государя. Но однажды импе-

ратор Николай I, который, как известно каждому читателю лесковского «Левши», «в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил», произнёс легендарное: «Надоело мне слушать музыку английскую!». У Василия Андреевича Жуковского конкурентов не было: он талантливо создавал поэзию государственнического официоза николаевской империи, прославляя энергичного царя, «обожаемого отца». По сравнению с «Молитвой русских» новый текст оказался лаконичнее. Он произносился на одном дыхании, как надпись на камне. Шесть коротких строк отчеканиваются в сознании:

**Есть зрелище
более величественное,
чем море, — это небо;
есть зрелище
более величественное,
чем небо, — это глубь
человеческой души.**

В. Гюго

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам;
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, Царя храни!

Как и век спустя, власти рассматривали кандидатуры композиторов, среди которых был и великий Глинка. Николай Павлович предпочёл близкого ко двору музыканта Алексея Фёдоровича Львова. Львов ощущал глубокий смысл задачи: «Я чувствовал надобность создать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войск, годный для народа — от учёного до невежды». Новый гимн, утверждённый императором, был представлен широкой публике в московском Большом театре 11 декабря 1833 года. Новая «русская народная песня» (так называли гимн в первых изданиях) вызвала прилив патриотических чувств. И, конечно, на премьеру откликнулся один из самых последовательных московских патриотов, писатель и дирек-

тор императорских театров М. Загоскин: «Не могу вам описать впечатление, которое произвела на зрителей сия национальная песнь; все мужчины и дамы слушали её стоя; сначала «ура», а потом «форо» загремели в театре, когда её пропели. Разумеется, она была повторена...» Гимн великолепно соответствовал духу «уваровской триады» — «Православие. Самодержавие. Народность». Но после реформ 1860-х самодержавный гимн уже не соответствовал устремлениям самой активной части общества. Злые пародии на гимн (например, знаменитое «Боже, царя стряхни!..») стали приметой народовольческой, предреволюционной России. Можно ли было сохранить гармонию Жуковского и Львова, симфонию царя, православия и народа? Нам, пережившим 1985–93 гг., ведомо, как быстро «в детской резвости» общество умеет низвергать вчерашние святыни.

Первая мировая стала для Российской империи непосильным испытанием. То была уже не самодержавная, но буржуазная империя, в которой всё явственнее чувствовался конфликт народных интересов и интересов элиты. «И продал власть аристократ промышленникам и банкирам...» — так описал предреволюционную ситуацию С. Есенин. В феврале 1917 империи не стало — и царский гимн потерял актуальность. Что же пели в торжественных случаях в короткую канительную эпоху Временного правительства? Культурная элита, восторженно принявшая Февраль, завалила «особые совещания» предложениями: «Славься!» Глинка с новыми словами; «Эй, ухнем!» в вариантах А. Глазунова и И. Стравинского; торжественная песнь композитора А. Гречанинова и поэта К. Бальмонта («Могучая держава, безбрежный океан! Борцам за волю слава, развеявшим туман!..»). Тогда же поэт Валерий Брюсов в статье «О новом русском гимне» размышлял: «Нужна краткая песнь, которая силою звуков, магией искусства сразу объединила бы собравшихся в одном порыве, сразу настроила бы всех на один высокий лад». Выбор был велик и разнообразен, но Временное правительство предпочло «Рабочую Марсельезу», русские слова кото-

рой несколько десятилетий назад написал П. Лавров, немного упростив мелодию Руже де Лиля:

Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног!

Соперничество «Марсельезы» и «Интернационала» было отражением борьбы буржуазных и социалистических революционеров. «Интернационал», как и большевики с левыми эсерами, завоевывал авторитет в Советах. Общество стремительно кренилось «влево»: на выборах в Учредительное собрание убедительно первенствовали эсеры и большевики, причём в столицах победу одержали последние. Это и предопределило победу самого радикального из «левацких» гимнов. Русский текст дегейтеровского «Интернационала» в начале века написал А.Я. Коц.

Страна искала себя, ощущая необходимость обновления после тяжкого кризиса, о котором Есенин написал: «Хлестнула дерзко через край нас отравившая свобода». Тот же Есенин, вместе с поэтами С. Клычковым и М. Герасимовым и великим скульптором С. Конёнковым, сделал попытку прославления новой государственности. В фундаменте каждого государственного мифа — память о павших героях. В ноябре 1918-го на Кремлёвской стене открывали мемориальную доску конёнковской работы в память бойцов, погибших в боях за революцию. Звучала «Кантата», написанная поэтами: «Спите, любимые братья!..» Многие памятники того времени, сработанные на скорую руку из временных материалов, не простояли и десяти лет. Недолговечными оказались и самые радикальные, экстравагантные идеологические построения революционных лет. В конце концов из возможных путей развития предпочтение было оказано наиболее традиционному, в котором жёсткое единовластие сочеталось с культом труда и трудящегося народа. В красной империи «Интернационал» воспринимался как песня духоподъёмная и родная, но появилась

потребность и в самобытном государственном гимне. С конца 1930-х годов торжественных песен, прославлявших советский народ, его армию и его вождя, в стране было немало. Их создавали блестящие композиторы: Д. Шостакович, С. Прокофьев, М. Блантер, И. Дунаевский... Интересно работал с жанром патетической песни основатель несравненного армейского хора А. Александров. В 1938 году вместе с поэтом В. Лебедевым-Кумачом он написал «Гимн партии большевиков» («Страны небывалой свободные дети, / Сегодня мы гордую песню поём...»). Именно этой мелодии было суждено через пять лет первенствовать в представительном конкурсе и стать гимном СССР. Только вместо Лебедева-Кумача (он участвовал в конкурсе в дуэте с другим композитором) стихи написали Сергей Михалков и Габриэль Эль-Регистан. Этот гимн, впервые прозвучавший 1 января 1944 года, стал для нашей страны гимном *Освобождения*. Под его патетические аккорды Красная армия гнала на запад захватчиков.

Принимали гимн в Большом театре, где когда-то впервые всенародно прозвучал царский гимн Львова — Жуковского. Оркестр Большого театра под управлением А. Мелик-Пашаева совместно с военным оркестром генерал-майора С. Чернецкого исполнили перед Сталиным и узким кругом вождей, композиторов и поэтов гимны Великобритании, США, «Боже, царя храни!», а также три варианта на слова Михалкова и Эль-Регистана: композиторов Шостаковича, Хачатуряна и Александрова. Правительство утвердило вариант Александрова. По свидетельству Михалкова, Сталин сказал Шостаковичу: «Ваша музыка звучит очень мелодично, что поделать, гимн Александрова больше подходит по своему торжественному звучанию». На банкете Михалков по просьбе Сталина читал «Дядю Стёпу», а ещё они с Эль-Регистаном показывали фронтальные сатирические сценки, используя в качестве реквизита фуражку Сталина.

Иногда последовательность воспринимается как конформизм: недоброжелатели не раз упрекали С. Михалкова в беспринципности. А он всю жизнь был благонамеренным государственным, сторонником крепкой власти и противником всего того, что извне и изнутри эту власть расширяет. Такое кредо можно критиковать, но упрекать Михалкова в неискренности

и противоречиях никто не вправе. Детский поэт, хорошо известный всем гражданам СССР, был удачной кандидатурой на роль гимнописца. Но воспоминания Михалкова о работе над гимном показывают, что чуть ли не лучшие строки подсказал авторам третий соавтор — Сталин. В восприятии гимна решающее значение — за первой строкой. У Михалкова и Эль-Регистана было: «Свободных народов союз благородный». Сталин нашёл гораздо более выразительный зачин, который навсегда врезался в память миллионов: «Союз *нерушимый* республик свободных». Секрет этой строки — в слове «нерушимый»: был найден одновременно торжественный и нестандартный эпитет. Гимн не только прославлял советскую государственность с направляющей ролью русского народа, не только звал к военным победам под руководством коммунистической партии, но и утверждал культ вождя:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил!
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

После XX съезда петь такое не смели: и до 1977 года (об этом почему-то не многие помнят) гимн СССР исполнялся без слов. А в год принятия брежневской Конституции была создана новая редакция гимна. Михалков убрал военные реалии 1943 года, исключил упоминание Сталина и приписал строфу «В победе бессмертных идей коммунизма...». Музыкальная аранжировка 77-го оказалась очень удачной — и к новой версии гимна, ежедневно звучащей по радио, быстро привыкли. Текст в «брежневской» редакции публиковался на обложках школьных тетрадей — ничего не скажешь, миллионные тиражи!

А «Интернационал», между прочим, оставался гимном правящей партии —

КПСС. Даже когда партия стала олицетворением консервативных, охранительных тенденций, седовласые вожди пели на съездах:

Презренны вы в своём богатстве,
Угля и стали короли!
Вы ваши троны, тунейдды,
На наших спинах возвели.
Заводы, фабрики, палаты —
Всё нашим создано трудом.
Пора! Мы требуем возврата
Того, что взято грабежом.

Пели, как бы присягая на верность революционному прошлому, скорее легендарному, чем реальному.

После распада СССР в декабре 1991 года ситуация с гимном оказалась двусмысленной. Гимн Александра — Михалкова прославлял страну, которой больше не было. Ещё в 1990 году был принят гимн РСФСР — «Патриотическая песнь» Глинки, с 1947 года

**Я склонен рассматривать
созданный мною мир
как своего рода
краеугольный камень вселенной.
Если его убрать,
вселенная рухнет.**

У. Фолкнер

известная под названием «Здравствуй, славная столица!» (эти слова А. Машистов написал на музыку Глинки к 800-летию Москвы). В брежневские годы мелодию Глинки

использовали для заставки официальной информационной телепрограммы «Время». Слов у гимна не было. И новый парламент, избранный в декабре 1993 года, не подтвердил его легитимности. А это было необходимо, ведь гимн РСФСР принимался, когда республика входила в СССР и фактически прославлялась прежним, Александровским, гимном.

В печати стали появляться тексты для гимна Глинки. И здесь оказалось, что революционная эпоха ранних девяностых не способна к созданию собственного официоза. Гимн — это вдохновенный панегирик родной стране, её народу, её истории, и покаянные, чернушные мотивы здесь неуместны. Так, поэт,

умеющий находить общий язык с миллионами, предложил для величавой музыки Глинки мучительно-лирические, самоедские стихи: «Разве совесть в лагерной могиле?..». Неуместные образы, которые народ никогда не примет в качестве государственного гимна. Даже в ГДР и ФРГ — странах, осудивших собственное нацистское прошлое, — темы покаяния и самобичевания не попали в структуры гимнов.

Ни в чём не повинную музыку Глинки, которая ассоциировалась с позором вороватых и хмельных 90-х годов, народ отторг. В XXI век Россия вступила с музыкой Александра и новыми стихами Михалкова. Представляя этот вариант гимна депутатам, начинающий президент В. Путин эмоционально спорил с противниками «сталинского гимна»: «Неужели за советский период существования нашей страны нам нечего вспомнить, кроме сталинских лагерей и репрессий? Куда мы тогда с вами денем Дунаевского, Шолохова, Шостаковича, Королёва и достижения в области космоса? Куда мы денем полёт Юрия Гагарина? А как же блестящие победы русского оружия — со времён Румянцева, Суворова, Кутузова?.. А как же победа весной 1945 года?». Стало ясно, что очередная эпоха революционного ниспровергательства завершена, а радикальные антисоветчики в одночасье сами перешли в разряд «ретро». Что ж, это процесс вполне предсказуемый и закономерный. Страсти разгораются и стихают, а караван истории идёт. Новому тексту, пожалуй, не хватило образной точности 1943 года. Но у музыки Александра есть крылья — и на них новый старый гимн поднялся ввысь. В этой мелодии — героика Победы 1945 года, слава покорения космоса, гордость за спортивные победы соотечественников на Олимпийских играх... Гимн объединяет традиции Российской империи, Советского Союза и современной России — такой синтез необходим нашему народу, чтобы мы не потеряли чувства единения с великой многовековой историей. И я верю, что нашему гимну, назло

скептикам, суждено счастливое будущее. А «Патриотическая песнь» Глинки уже звучит на официальных московских мероприятиях в варианте 1947 года — рядом с официально принятым гимном Москвы «Дорогая моя столица». Судьба «гражданских молитв» бывает причудливой — и это характерно не только для России.

Несколько лет назад, аккурат во время дискуссии о принятии «нового старого гимна», в Останкинской телестудии собрались противники и сторонники музыки Александрова и стихов Михалкова. И скептики, включая ведущего программы В. Познера, приводили «беспроборный» аргумент: Германия же не возвращается к гимну времён Рейха — «Германия превыше всего!» Судьба современного гимна ФРГ удивительно схожа с судьбой Александровского гимна. Правда, сочинён он был не в XX веке. Музыку «Песня кайзера» великий Гайдн написал аж в 1797 году, в честь австрийского императора Франца Второго. В 1841 году фон Фаллерслебен написал стихи «Германия превыше всего» — и в XIX веке «Песня немцев» стала гимном объединившейся страны. Осталась она гимном и после прихода к власти национал-социалистов. Более того, ультрапатриотические строки первого куплета стали ассоциироваться с политикой Гитлера:

Германия, Германия, превыше всего,
Превыше всего в мире...

В 1945-м, после краха нацизма, гимн упразднили, но через пять лет в ФРГ (заметим, не в ГДР!) восстановили. Правда, без двух первых куплетов, оставив нейтральное:

Единство, право и свобода —
залог счастья.
Процветай в блеске этого счастья,
процветай, немецкая отчина!

Не так ли и мы возвратились к привычному гимну, отказавшись от одиозных упоминаний «партии Ленина» и «торжества коммунизма»? Выходит, что противники Александровского

гимна, обратившись к немецкому опыту, опровергли сами себя.

За границей мелодия нашего гимна воспринимается с уважением, но среди «нашенских» политических противников советской системы есть немало непримиримых противников и мелодии. Думаю, политические споры улягутся куда раньше, чем устареет наш гимн.

Что же касается спортивных состязаний, из которых пресса любит выжимать патриотическую тему, то и в этой области история знает потрясающие сюжеты, на которых можно воспитывать патриотов. Многие ли назовут фамилию, имя и отчество атлета и солдата, который воевал в Великой Отечественной, попал в плен, прошёл 17 концлагерей, включая Бухенвальд?.. После войны он весил 40 килограммов — израненный, измученный. А потом... стал семикратным олимпийским чемпионом и непобеждённым ушёл с помоста в 36 лет! А ведь это наш соотечественник Виктор Иванович Чукарин — единственный двукратный абсолютный чемпион по спортивной гимнастике, отличившийся на двух первых Олимпиадах Советского Союза, — в 1952-м и 1956-м. Вот уж действительно пример достижения *Человека*, после которых все повторили слова Петра Великого, выбитые на медали 1703 года: «Небываемое бывает!» И так ли важно для нас, что Чукарин — сдержанный и сосредоточенный в дни соревнований — воспринимал гимн своей страны с почтением, но без экзальтированного подпевания? Портреты таких героев, как Чукарин, должны быть в учебниках, забывать про них — постыдное расточительство. Память о таких людях (а их в истории России немало!), по большому счёту, и даёт нам повод торжественно вставать во время исполнения Государственного гимна. **В.Ш**